

ИЗДАНИЕ ПРИУРОЧЕНО К ВЫСТАВКЕ
МАРИНЫ ФЕДОРОВОЙ
КРЕСТЫ
31 ИЮЛЯ — 24 АВГУСТА 2014

EDITED ON THE OCCASION OF
MARINA FEDOROVA
KRESTY
31 JULY — 24 AUGUST 2014

«Крестовые сёстры» XXI века

Марина Федорова впервые обратилась к теме печально знаменитой петербургской тюрьмы «Кресты» два года назад, когда принимала участие в групповой выставке под тем же названием. Именно там появился цикл полотен, посвященных женщинам, чьи сыновья или мужья, братья или возлюбленные находятся за решеткой, — женской покорности или, напротив, противостоянию судьбе, их стойкости, но, главное, надежде (серия получила общее название «Женщины, которые умеют ждать, или Любовь никогда не перестанет»). Здесь не место и не время вникать в то, «винно» или безвинно попали в узилище героини мужской части этого своеобразного заочного диалога. Ведь проект, в сущности, о женской верности и преданности, и в этом смысле он встраивается в убедительный и уважаемый ассоциативный ряд, опирающийся на нашу нравственную и культурную традицию, начиная с жен декабристов, ставших впоследствии героинями поэмы Николая Некрасова «Русские женщины». Композиция каждого из живописных полотен, выполненных в монохромной черно-серой гамме с тонким красным контуром по границе холста, построена на противопоставлении женского образа и окружающего его пустого пространства как аллегории одиночества и разлучённости в сочетании с прозрачной визуальной ассоциацией, своими пересекающимися под прямым углом прутьями тюремной решетки, заставляющими думать и одновременно вспоминать о самой безоглядной и самой подлинной в истории жертве Христа (именно об этом в конечном итоге заставляет размышлять крылатое выражение «Это мой крест»). Жена не может отделаться от образа мужа на фоне хранящихся в ее памяти перекрещенных в любовном порыве рук и тел; сестра смотрит в окно, и его переплет и решетка балкона снаружи соединяются в крестообразное чугунное кружево; любовница распласталась на светлой плоскости, и на нее словно бы наведен лазерный прицел с красным перекрестием — как неустрашимый источник тоски и боли. К этой же серии работ художницы естественно примыкает полотно «Одинокая», где доминирует не линейно-крестообразный, а волнообразный ритм, вступающий

в своеобразную дуэль с вертикалью и горизонталью опустевшего и потому кажущегося непропорционально огромным ложа, занимающего задний план композиции.

В дальнейшем первоначальный замысел цикла Марины Федоровой претерпел существенное развитие — он был расширен и в хронологическом, и в тематическом измерении. С одной стороны, понятие «Кресты» было распространено в сторону исторических реалий, и возникает полотно «Мать». Работа написана так, что убедительно уподобляется старому надорванному фотоотпечатку, где сразу узнаваемый силуэт Анны Андреевны Ахматовой с характерным профилем частично заслоняет фигуру и лицо Льва Николаевича, изображенного анфас. Они оба едва проступают из серо-черного окружающего их мрака фона, как всплывающий в памяти полустертый зрительный образ, почти мимолетная реминисценция и одновременно ясный и недвусмысленный протест против несправедливости и политических репрессий.

Гумилев был одним из самых знаменитых узников тюрьмы «Кресты», заключение в которой закончилось для него трагически. Однако в этом тюремном комплексе томилось и томится по сей день немало не столь знаменитых заключенных. После нескольких новых посещений «Крестов» Марина Федорова написала несколько полотен, которые отражают повседневную, совсем нерадостную жизнь тюрьмы. Здесь, например, молодой заключенный, с тоской и почти уже угасшей надеждой смотрящий прямо на зрителя или из-за внутренней коридорной решетки, которая представляется непреодолимой границей «этой» и «той» жизни, или из-за стола с журналами и т. д. Рядом — более зрелый, опытный, «матерый» заключенный, курящий в камере среди пустых нар.

В этой серии вещей с новой силой обозначает себя нарочито вплетенный в ритм морщин вокруг глаз, складок одежды, но более всего в монотонный и непреложный ритм тюремных решеток, каркасов тюремных нар или просто чередования композиционных вертикалей и горизонталей — мотив креста, который в таком случае становится чем-то наподобие *genius loci* сего безрадостного места, разделяющим тех, кто остается на свободе, и тех, кто лишен ее. При старании мотив этот нетрудно обнаружить практически в каждой работе. В том числе и в тех, которые вполне достоверно рисуют тюремный быт и тюремное пространство: «Зеркало» — с разможенной амальгамой и расходящимися в разные стороны, как

лапы огромного паука, трещинами на ее поверхности; «Дверь» — с номером камеры, окошком для подачи пищи и глазком для наблюдения за заключенными; «Птицы» — стая ворон, летящая от тюремной стены на фоне зарешеченного окна в виде многих соединенных друг с другом крестов; наконец — «Паноптикум», представляющий собой вид снизу на главный купол «Крестов», изображенный снова как будто в красной сетке условного прицела. Жизнь за стенами тюрьмы запечатлена в композиции «Набережная», где растворяющийся в тумане и снегопаде, но, тем не менее, остающийся прекрасным вид Смольного монастыря и других зданий просматривается снова через жесткую ритмику решетки на тюремном окне и снова проступает не непосредственно, а как бы сквозь стекло красного прицельного средокрестия.

Тема тюрьмы всегда была тесно связана с темой стремления к освобождению от оков, то есть к побегу из несвободы. В рассматриваемом цикле есть две близко подходящие друг к другу работы на эту тему. Это «План» и «Побег». Крупно взятое лицо узника, в мозгу которого выстраивается схема прохода по коридорам и лестницам (черно-белая манера художницы здесь только подчеркнута кроваво-красной авторской подписью и крошечной точкой, обозначающей на плане местоположение героя в самом центре тюремного лабиринта). А сам побег — по бесконечному освещенному монотонными светильниками коридору — написан интенсивным ярко-красным цветом, на котором четко выделяется черный силуэт беглеца, но вот только в самом центре этого силуэта в очередной раз возникает красное тонкое перекрестие прицела — то ли знак грядущего искупления, то ли запечатление мгновения перед неминуемым выстрелом в спину.

И все же, несмотря на все препоны, условному лирическому герою, а может быть, героине живописного цикла, удастся оказаться на свободе. Он/она то следует по залитым солнцем улицам города («Площадь Восстания»), то оказывается «Лес» среди одних только вертикалей березовых стволов с жалкими горизонтальными веточками-побегами, но вновь с красным прицельным крестом посередине, то соседствует, наподобие сказочных героинь, с целой стаей волков и — в глубине — со стадом оленей, как бы разделяя их собственным телом. Этот жертвенный поступок обозначен в колористическом решении данной вещи тем, что героиня носит не маленькую красную шапочку, а ярко-красное платье, покрыва-

ющее всю ее фигуру и приковывающее внимание зрителя. Тем не менее «Постель», с жесткими угловатыми и кажущимися объемными складками, по прежнему оставляет героиню в тоскливом и безутешном одиночестве. И этот мотив всепокрывающих и всескрадывающих складок оказывается главным в композиции «Судьба», которая изображает в огромном увеличении часть ладони, изборужденной складками, пересекающимися под разными углами и часто крестообразно, складками, предсказывающими грядущее. А «Черный мешок» из блестящего пластика, готовый заглотив в свое чрево незаконченные наброски и начатую работу художницы с мощным красным пятном, напоминающим лужу крови, можно расценивать как еще одну аллегория — кратковременной победы темного начала и невосполнимости жертвы.

В 1910 году был опубликован один из самых ярких текстов русской прозы Серебряного века — повесть Алексея Ремизова «Крестовые сёстры», блестяще написанное прозаическое произведение, повествующее о тяжелых и несчастливых судьбах «маленьких людей», прежде всего женщин, словно бы поделившихся или обменявшихся друг с другом своими невзгодами. Таков был и довольно редкий, но важный ритуал крестного сестринства (иногда и братства) — обмен нательными крестами ради обретения духовного единения. Аллегорически, а не буквально связывая своих героинь с этим ритуалом, Ремизов показал, что это неосознаваемое, но интуитивно ощущаемое духовное родство позволило им обрести некую особую внутреннюю уверенность и даже силу. Заимствуя сейчас заглавие этой известной и, на первый взгляд, весьма печальной, но на деле несущей не только грусть, но и надежду, повести Алексея Ремизова, я вовсе не хотел бы сказать, что взаимоотношения героинь полотен Марины Федоровой и связанных с ними некими неочевидными нитями сегодняшних заключенных реальной тюрьмы «Кресты» повторяют особенности жизненных коллизий более чем столетней давности. Былое духовное, интуитивное родство сегодня часто уступает место осознанной солидарности тех, кто ждет своих близких из «мест, не столь отдаленных». Но в то же время, определенное родство между теми и другими, несомненно, есть. А ремизовские «Крестовые сёстры» сегодня обретают новую актуальность.

Андрей Толстой

“Kresty Sisters” of the 21st Century

Marina Fedorova first took on the theme of the Petersburg prison Kresty (which literally translates from the Russian as “the Crosses”), complete with its unfortunate notoriety, two years ago, when she took part in a group exhibition of the same name. It was then that a cycle of canvases appeared, dedicated to women whose sons or husbands, brothers or sweethearts are behind bars, and their female resignation or, on the contrary, their resistance to fate, their resilience, but also, most importantly, hope (the series was titled “Women who can wait, or Love will never stop”). This is not the time or place to ponder the culpability or the innocence of the male section of this unusual dialog in absentia, their being in jail. The project, after all, in essence, is about the faithfulness of the women and their devotion, and in that sense it fits into a convincing and respected associative line that is founded on a Russian moral and cultural tradition, beginning with the wives of the Decemberists who went on to become the heroines of Nikolai Nekrasov’s poem “Russian Women”. The composition of each of the painted canvases, created in a monochrome black and gray color range with fine red contouring at the edges of the canvases, is built on a confrontation of the female image and the empty space that surrounds it, like an allegory for solitude and separation in combination with a transparent visual association, the rods of the prison bars meeting at right angles forcing us to recall, at one and the same time, the most unabashed and most authentic in the story of Christ’s sacrifice (it is this that we are forced to think of, ultimately, when hearing the weighty expression “this is the cross I bear”). The wife can’t shake off the image of her husband in the context of her memories of hands and bodies crossed in a loving embrace; a sister watches, and the window frame cross and the bars of the balcony, from the outside, combine to create cross-formed iron lace; a lover is sprawled on a light surface, and it is as if a laser sight has been trained on her, with red cross hairs, like a source of melancholy and pain that can’t be removed. Alongside this series of the artist’s works we can easily place the canvas “Lonely”, where it is not a linear, cross-formed rhythm that dominates, but a wave rhythm that enters into a distinctive dialog duel with the vertical and the hori-

zontal of a deserted and, therefore, apparently disproportionately vast lodge that occupies the background of the composition.

Subsequently, Marina Fedorova’s original conception for the cycle underwent significant developments — it was expanded both in its chronological and thematic dimensions. On the one hand, the concept of “Kresty” was extended in the direction of historical realities, and the canvas “Mother” appears. The work is painted in such a way as to convincingly resemble an old, torn photographic print, where the immediately recognizable silhouette of Anna Andreyevna Akhmatova, with its characteristic profile, is partially blocked by the figure and face of Lev Nikolayevich Gumilyov, depicted full-face. They both can barely be made out in the greyish-black gloomy background that surrounds them, like a visual image that has almost been wiped clean from the memory but nevertheless suddenly arises, an almost instantaneous reminiscence, and at the same time a clear and unambiguous protest against injustice and political repression.

Gumilyov was one of the most famous inmates of Kresty prison, his incarceration there ending tragically. Nevertheless, not so famous prisoners have languished in this prison, and languish there to this day. Following several more visits to Kresty, Marina Fedorova painted several canvases that reflect the everyday, entirely joyless life of the prison. Here, for example, a young detainee, melancholic, hope almost gone, looks straight at the spectator, or from the other side of the internal corridor grill, which is presented as an insurmountable barrier between “this” and “that” life, or from behind a table of magazines, and so on. Near by there are older, more experienced, “hardened” inmates, smoking in their cells among the empty plank beds.

In this series of works, with renewed force, in the interwoven rhythm of wrinkles around the eyes, in the creases of the clothing, but more than anything else in the monotonous and invariable rhythm of the prison bars, the frames of the prison plank beds or simply in the interchanges of the compositional verticals and horizontals, the motif of the cross identifies itself. In this case it becomes something akin to a *genius loci* of this entire joyless place, dividing those who remain in freedom and those who are deprived of it. With a little effort, we can find this motif in almost every work. Including those in which the way of life in the prison and the prison space are depicted entirely authentically: “The Mirror”, with its multiplied amalgam and cracks on its surface spreading in different directions, like the legs of a vast spider;

“The Door”, with its cell number, its slot for food to be passed through and its spy-hole through which the inmates can be observed; “The Birds” - a murder of crows flying from the prison wall against the background of a barred window in the form of a host of crosses linked to one another; and finally, “The Panopticum”, the view from below of Kresty’s main dome, again as if seen through the red cross hairs of a gun sight. Life beyond the prison walls is captured in the composition “The Embankment”, where, dissolving in the mist and snowfall, but nevertheless remaining beautiful, we see a view of the Smolny Nunnery and other buildings, again made out through the harsh rhythm of a grill on a prison window, and again standing out not directly, but as if through the glass of a red gun sight.

The theme of the prison has always been closely linked to the theme of a striving for freedom from constraints, which is to say a flight from captivity. In the cycle being considered, there are two works that are close to one another on this theme - “The Plan” and “The Escape”. The face of an inmate in close-up, the plan of a path through corridors and up and down staircases fitted into his brain (the artist’s black-and-white styling here is merely stressed by a blood-red author’s signature and a tiny period mark, indicating on the plan the location of the main character in the very center of the prison labyrinth). The escape itself — along an endless corridor lit by monotonous lamps — is painted in an intensive bright red against which the black silhouette of the fugitive can clearly be made out, but it is only in the very center of this silhouette that again the fine red cross hairs of a gun sight arise — it is either a sign of coming atonement, or the instant before an unavoidable shot in the back has been captured.

Nevertheless, despite all these impediments, the conventional lyrical hero (or perhaps it’s a heroine) of this painting cycle, manages to attain freedom. He/she wanders through the sun-drenched streets of the city (“Ploshchad Vosstaniya”), or finds himself/herself “Forest”, among the strictly vertical birch trunks with the puny horizontals of the branches, but again with the red sight trained in the middle, or close by, like a fairytale heroine, with an entire pack of wolves and — in the depths — with a herd of reindeer, as if dividing them with her own body. This sacrificial act is designated in a color resolution provided by what the heroine is wearing — not a little red hat, but a bright red dress that covers her entire figure, riveting the spectator’s attention. Nevertheless, “The Bed”, with its severe, angular and apparently voluminous

creases, as before leaves the heroine in a melancholic and disconsolate solitude. And this motive of the all-encompassing and all-concealing creases turns out to be key in the composition of “Fate”, which depicts on a vast scale a section of a palm furrowed by wrinkles, intersecting at different angles, often like crosses, creases predicting what is to come. And “The Black Bag” of shiny plastic, ready to swallow up into its belly the unfinished sketches and a work of the artist’s that has been started, with its powerful red patch recalling a pool of blood, can be seen as one more allegory — the short-lived victory of the dark side and the irreplaceability of the victim.

In 1910, one of the most striking texts in Russian prose of the Silver Age was published — a tale by Alexei Remizov, “Kresty Sisters”, a stunningly written prose work telling of the difficult, unhappy fates of “minor people”, first and foremost women, who, as it were, share or swap their misfortunes with one another. This was a fairly rare, but important ritual of Kresty sisterhood (and sometimes brotherhood) — an exchange of crosses worn round the neck in order to achieve a spiritual unification. Allegorically, but not literally uniting her subjects with this ritual, Remizov shows that this unrecognized but intuitively sensed spiritual kindred allows them to acquire a certain special inner confidence, and even strength. Borrowing the title of Alexei Remizov’s renowned and, at first glance, very sad tale, though it in fact possesses not only sorrow, but also hope, I by no means want to say that the interrelationship of the heroines of Marina Fedorova’s canvases and today’s inmates of the very real prison that is Kresty, linked by certain invisible threads, repeat the specifics of the collisions of life of over a hundred years ago. The bygone spiritual, intuitive kinship today often gives way to the deliberate solidarity of those who are awaiting their nearest and dearest who are “inside”. But at the same time, a certain kinship between the two undoubtedly exists. And Remizov’s “Kresty Sisters” today acquires a new timeliness.

ANDREY TOLSTOY

Площадь Восстания. 2014. Холст, масло. 100 × 200 см
Vosstaniya Square, 2014, oil on canvas, 100 × 200 cm

Судьба. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Fate, 2014, oil on canvas, 100 × 100 см

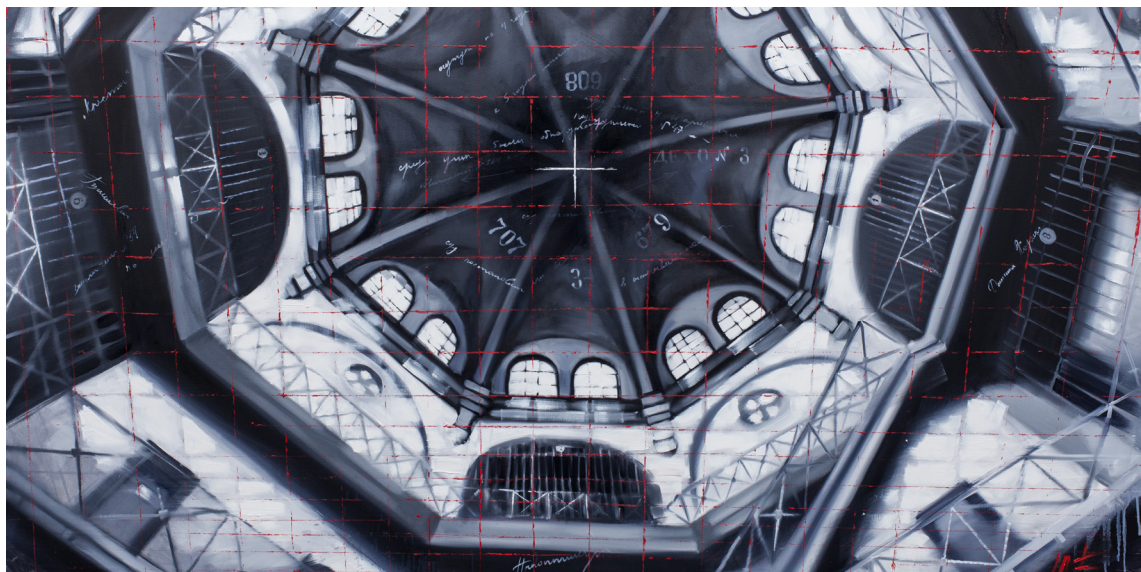

Волки. 2014. Холст, масло. 70 × 70 см
Wolves, 2014, oil on canvas, 70 × 70 см

Черный Мешок. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Black Sac, 2014, oil on canvas, 100 × 100 cm

Паноптикум. 2014. Холст, масло. 100 × 200 см
Рапортicon, 2014, oil on canvas, 100 × 200 см

Заклученный III. 2014. Оргстекло, акрил. 100 × 100 см
Prisoner III, 2014, plexiglas, acrylic, 100 × 100 см

Дверь. 2014. Холст, масло. 150 × 90 см
Door, 2014, oil on canvas, 150 × 90 cm

Камера I. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Prison cell I, 2014, oil on canvas, 100 × 100 см

Небо. 2014. Оргстекло, акрил. 100 × 100 см
Sky. 2014, plexiglas, acrylic, 100 × 100 см

Зеркало. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Mirror, 2014, oil on canvas, 100 × 100 cm

Камера II. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Prison cell II, 2014, oil on canvas, 100 × 100 см

Набережная. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Embankment, 2014, oil on canvas, 100 × 100 cm

Заклученный I. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Prisoner I, 2014, oil on canvas, 100 × 100 см

Лес. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Forest, 2014, oil on canvas, 100 × 100 cm

Заклученный II. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Prisoner II, 2014, oil on canvas, 100 × 100 cm

Одинокая. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Lonely, 2014, oil on canvas, 100 × 100 см

Жена. 2013. Холст, масло. 100 × 100 см
Wife, 2013, oil on canvas, 100 × 100 см

Крест. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Cross. 2014, oil on canvas, 100 × 100 cm

Мать. 2013. Холст, масло. 100 × 100 см
Mother, 2013, oil on canvas, 100 × 100 см

Сестра. 2013. Холст, масло. 100 × 100 см
Sister, 2013, oil on canvas, 100 × 100 cm

Птицы. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Birds, 2014, oil on canvas, 100 × 100 cm

Любовница. 2013. Холст, масло. 100 × 100 см
Mistress, 2013, oil on canvas, 100 × 100 см

Постель. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Bed, 2014, oil on canvas, 100 × 100 cm

План. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Plan, 2014, oil on canvas, 100 × 100 cm

Побег. 2014. Холст, масло. 100 × 100 см
Redemption, 2014, oil on canvas, 100 × 100 cm

Кресты. 2013. Одноканальное видео. 6' 31"
Kresty, 2013, one-channel video, 6' 31"

МАРИНА ФЕДОРОВА

Родилась в Ленинграде в 1981 году.

1996—2000 гг. — СПбХУ им. Н. К. Рериха, Санкт-Петербург, Россия.

2000—2006 гг. — СПГХПА им. В. И. Мухиной (с 2007 года — А. Л. Штиглица), Санкт-Петербург, Россия.

Специализация — художник-график.

Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Выставки с 2001 года в Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Париже, Генуе, Мантуе, Малаге, Хельсинки, Мадриде.

Участница международных ярмарок Art Stage Singapore, «Арт-Москва», «Арт-Париж», «Арт-Монако», «Арт-Болонья», «Арт-Вильнюс», «Арт-Киев» и «Арт-Хельсинки».

Принимает участие в выставках в Русском музее и «Эрарте».

Художник года шампанского Nicolas Feuillatte в 2008 году.

Оформление фестиваля Мариинского театра в 2008 году.

Участник Благотворительного гала-аукциона при поддержке Christie's в Русском музее.

Работы художницы находятся в коллекциях Государственного Русского музея, фонда «Д137», музея Shoes or No Shoes (Бельгия), музея House of Art Marbella (Испания) и в частных коллекциях Лорана Бутонна, Пьера Броше, Ильи Лагутенко, Артемия Троицкого, Михаила Царева.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ И ГРУППОВЫЕ ВЫСТАВКИ

2014

Представлена галереей Shtager на ярмарке «Арт-Вильнюс — 2014»

«Ночь музеев — 2014», Lazarev Gallery, Санкт-Петербург

Биеннале искусства книги, выставочный зал московского района, Санкт-Петербург

Dolce Vita, Музей городской скульптуры, Санкт-Петербург

2013

«Приглашение к обеду, поваренная книга Русского музея», Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

«Арт-анфас Япония, традиции и современность», Музей городской скульптуры, Санкт-Петербург

«Отражения», Lazarev Gallery, Санкт-Петербург

«Италия в моем сердце», галерея Kadieff, Венеция

«Ночь музеев — 2013», Lazarev Gallery, Санкт-Петербург

«Моменты ожидания», галерея K35, Москва международная ярмарка Art Stage Singapore, стенд Lazarev Gallery, Сингапур

2012

«Для Версаче», галерея Kadieff, Хельсинки

Международная ярмарка «Арт-Москва», стенд Lazarev Gallery, Москва

«Сейчас или никогда», галерея Ten-43, Нью-Йорк

Международная ярмарка «Арт-Монако», стенд Lazarev Gallery, Монако

«Неслучайные связи», Lazarev Gallery, Санкт-Петербург

Международная арт-ярмарка JustMad, стенд Art Curators, Мадрид

2011

Представлена галереей Sokol Fine Art на благотворительном аукционе Chase в Royal College of Art, Лондон

«Бегущая по волнам», галерея Kadieff, Хельсинки

«Крупным планом», галерея Prime Art, Санкт-Петербург

Международная ярмарка «Арт-Хельсинки», стенд галереи Kadieff, Хельсинки

«Врата и двери», Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

«Столичная», галерея Kremlin, Санкт-Петербург

2010

«Синяя борода», галерея «Inutero паноптикум», Москва

«Рождественская выставка», галерея Kremlin, Санкт-Петербург

«Рождественская выставка», музей «Эрарта», Санкт-Петербург

«В красном», галерея Kadieff, Хельсинки, Финляндия

Международная ярмарка «Арт-Киев», стенд галереи «Inutero паноптикум», Киев

«Коллекция», House of Art Marbella, Малага, Испания

«Любовные истории», галерея «Красный мост», Вологда

Благотворительный гала-аукцион при поддержке Christie's, Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

«Общество потребления», персональная выставка, галерея Citycelebrity, Санкт-Петербург

«Please Me Fashion», Мантуя, Италия

2009

«Стоп-кадр-возвращение», галерея Orel Art, Париж

«08.08.08», галерея «Д137», Санкт-Петербург

2008

«Одинокие», галерея «Д137», Санкт-Петербург

Выставка в рамках благотворительного проекта фонда «Планета мира»

«Одинокие», «Винзавод», Москва

Художник года шампанского Nicolas Feuillatte

Международная ярмарка «Арт-Париж», стенд галереи Orel Art, Париж

2007

«Жить в Париже», галерея «Д137», Санкт-Петербург

Международная ярмарка «Арт-Москва», Москва, стенд галереи «Д137»

«Короткие встречи», персональная выставка, галерея Orel Art, Париж

«Осеннее настроение», галерея La Bertesca-Masnata, Генуя

2006

«Осеннее время», галерея «Д137», Санкт-Петербург
Международная ярмарка «Арт-Москва», стенд галереи «Д137», Москва
Международная ярмарка «Арт-Болонья», стенд галереи «Д137», Болонья

2005

Международная ярмарка «Арт-Москва», стенд галереи «Д137», Москва
«Один прекрасный день», галерея «Д137», Санкт-Петербург

2004

ARTindex-2004 — художники Петербурга, участник каталога, Санкт-Петербург
Выставка «Отель 15 звезд», выставочный зал НОМИ – графика, Санкт-Петербург
БИН-2004, Манеж — графика, Санкт-Петербург

2001

Конкурс дизайна «Znak 2001», «Znak 2000» — участник, Санкт-Петербург

ИЗБРАННЫЕ МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И СОБРАНИЯ ФОНДОВ

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия
Фонд «Д137», Санкт-Петербург, Россия
Shoes Or No Shoes, музей, Крёйсхаутем, Бельгия
House of Art Marbella, Малага, Испания

ЧАСТНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Коллекция Лорана Бутонна, Франция
Коллекция дома шампанских вин Nicolas Feuillatte, Франция
Коллекция Пьера Броше, Франция
Коллекция Ильи Лагутенко, Россия
Коллекция Артемия Троицкого, Россия
Коллекция Виктора Додзиева, Россия
Коллекция Михаила Царева, Московский клуб коллекционеров, Россия

НАГРАДЫ

2008 — Художник года дома игристых вин Nicolas Feuillatte
2008 — Номинант премии Кандинского
2007 — Официальный художник VII Международного балетного фестиваля «Мариинский»

Born in Leningrad in 1981.

Lives and works in St. Petersburg

1996—2000 — graduated from the Academy of Fine Arts named after N. K. Rerich, St. Petersburg, Russia

2000—2006 — graduated from the Academy of Fine arts named after Vera Mukhina, St. Petersburg, Russia

Specialization — graphic artist

SOLO AND GROUP EXHIBITIONS

2014

Presented Shtager Gallery at Art Vilnius 2014

Member of the “Night of Museums 2014” in Lazarev Gallery, St. Petersburg

Participation in the Biennale Art Books, St. Petersburg

Participation in the “Dolce vita” City Sculpture Museum, St. Petersburg

2013

Participation in “Cookbook Russian Museum” State Russian Museum, St. Petersburg

“Art en face Japan, traditions and modernity,” State Museum of urban sculpture

“Reflections,” Lazarev Gallery, St. Petersburg

“Italy in my heart,” Kadieff Galery, Venice

Participant of “Night in museum” in Lazarev Gallery, St. Petersburg

“Moments of Waiting”, K35 Art Gallery, Moscow

Art Stage Singapore, Lazarev Gallery booth, Singapore

2012

“For Versace,” Kadieff Gallery, Helsinki

Art Moscow Art Fair, Lazarev Gallery booth, Moscow

“Now or Never,” Ten 43 Gallery, New York

Art Monaco Art Fair, Lazarev Gallery booth, Monaco

“Non-random connections,” Lazarev Gallery, St. Petersburg

JustMad Art Fair, Art Curators booth, Madrid

2011

Represented by Sokol Fine Art gallery at charity auction in Royal College of Art, London

“Running on waves,” Kadieff Gallery, Helsinki

“Zoomed,” Pr1me Art Gallery, St. Petersburg

Art-Helsinki Art Fair, Kadieff Gallery booth

“Gates and doors,” State Russian museum, St. Petersburg

“Stolichnaya,” Kremlin Gallery, St. Petersburg

2010

“Blue Beard,” Inutero Panopticum, Moscow
“Christmas exhibition,” Kremlin Gallery, St. Petersburg
“Christmas exhibition,” Erarta Museum, St. Petersburg
“In Red,” Kadieff Gallery, Helsinki
Art-Kyiv Art Fair, Inutero Panopticum booth
“Collection,” House of Art Marbella, Malaga
“Love stories,” Red Bridge, Vologda
Gala charity auction with the support of Christie’s, State Russian Museum, St. Petersburg
“Society of consumption,” Citycelebrity, St. Petersburg
“Please Me Fashion,” Mantua

2009

“Retour-Stop-Cadre,” Orel Art Gallery, Paris
“08.08.08,” D137 Gallery, St. Petersburg

2008

“The lonely,” D137 Gallery, St. Petersburg
Exhibition for charity project by “Planeta Mira”
“The lonely,” The Red Hall, Winzavod, Moscow
Artist of the Year of Nicolas Feuillatte champagne
Art-Paris Art Fair, Orel Art Gallery booth, Paris

2007

“To live in Paris,” D137 Gallery, St. Petersburg
Art-Moscow Art Fair, D137 Gallery booth, Moscow
“Short meetings,” Orel Art Gallery, Paris
“Visions of Autumn,” La Berteska-Masnata Gallery, Genoa

2006

“Autumn time,” D137 Gallery, St. Petersburg
Art-Moscow Art Fair, D137 Gallery booth, Moscow
Art-Bologna Art Fair, D137 Gallery booth, Bologna

2005

Art-Moscow Art Fair, D137 Gallery booth, Moscow
“One Fine Day,” D137 Gallery, St. Petersburg

2004

“ARTIndex 2004,” List of St. Petersburg artists, catalogue’s participant, St. Petersburg
“Hotel 5 stars,” NOMI Exhibition Hall (graphics), St. Petersburg
“BIN 2004,” St. Petersburg exhibition Hall Manege, St. Petersburg

2001

“Znak 2001,” design competition, participant, St. Petersburg

SELECTED MUSEUM AND FOUNDATION COLLECTIONS

The State Russian Museum, St. Petersburg, Russia
D137 Foundation, St. Petersburg, Russia
Shoes or No Shoes Museum, Kruishoutem, Belgium
House of Art Marbella, Malaga, Spain

PRIVATE COLLECTIONS

Laurent Bouton, France
House champagnes Nicolas Feuillatte, France
Pierre Brochet, France
Ilya Lagutenko, Russia
Artemy Troitsky, Russia
Victor Dodziev, Russia
Mikhail Tsarev, Moscow club of collectors, Russia

AWARDS & HONORS

2008 — The artist of a year of Nicolas Feuillatte champagne, France
2008 — Kandinsky Prize nominee, Central house of artists, Moscow, Russia
2007 — Official painter of 7th International Ballet Festival “Mariinsky”

Галерея «Триумф»

Емельян Захаров, Рафаэль Филинов,
Дмитрий Ханкин, Вера Крючкова,
Марина Бобылева, Яна Смурова,
Наталья Нусинова, Михаил Марткович,
Кристина Романова, Никита Гурин,
Иван Шпак, Григорий Мелекесцев,
Валентина Хераскова,
Алексей Шервашидзе,
Андрей Гришковский,
Марина Засорина,
Владимир Чуранов

Triumph Gallery

EMELIAN ZAKHAROV, RAFAEL FILINOV,
DMITRY KHANKIN, VERA KRYUCHKOVA,
MARINA BOBYLEVA, YANA SMUROVA,
NATALIA NUSINOVA, MIKHAIL MARTKOVICH,
KRISTINA ROMANOVA, NIKITA GURIN,
IVAN SHPAK, GRIGORY MELEKESTSEV,
VALENTINA KHERASKOVA,
ALEXEY SHERVASHIDZE,
ANDREY GRISHKOVSKY,
MARINA ZASORINA,
VLADIMIR CHURANOV

Текст

АНДРЕЙ ТОЛСТОЙ

Text

ANDREY TOLSTOY

Перевод

ТОБИН ОБЕР

Translation

TOBIN AUBER

Корректор

МАРИЯ КОЛОСОВА

Technical editing

MARIA KOLOSOVA

Дизайн

ИВАН ШПАК

Design

IVAN SHPAK

Оператор фильма «Кресты»

АЛЕКСЕЙ ЗАЙКОВ

Cameraman of film “Kresty”

ALEXEY ZAIKOV

*Проект “Кресты” реализован
Арт Клубом Д137 по инициативе
Ольги Остерберг и Попечительского Совета
следственного изолятора №1 «Кресты»
в Санкт-Петербурге*

*Project “Kresty” is realized by
Art Club D137 under initiative of
OLGA OSTERBERG & Board of Trustees of
Investigation Cell N1 “Kresty”
in St. Petersburg*

Напечатано в типографии

«Август Борг», Москва, Тираж 500 экз.

Printed at

August Borg, Moscow, Edition 500

ISBN 978-5-906550-16-3